

В.А. Шнирельман

Россия, Москва,

Институт этнологии и антропологии РАН

Историческое наследие, археологическая этика и социальная роль археологии*

Анализ категории «историческое наследие» неизбежно ставит на повестку дня новую проблему: если право на памятники прошлого имеют не только археологи, но и общественность, то о какой именно общественности может идти речь? Так как современные общества полиэтничны, часто возникает вопрос о том, кому принадлежит ценное историческое наследие того или иного региона – коренному населению, какой-либо особой его группе или мировому сообществу в целом? И, наконец, кто и как распоряжается историческим наследием – идет ли речь о его сохранении, популяризации или грабеже и уничтожении? А это в свою очередь ставит вопрос об этике.

Перед американскими и европейскими археологами этот вопрос встал вплотную в 1990-х гг. Первых заботили усилившиеся контакты с коренными американцами (индейцами и эскимосами), заинтересованными в результатах археологических исследований, а вторых – защита культурного наследия и угрозы со стороны коммерциализации археологии. Внимание обращалось на этику внутри профессии, но вопрос о праве на археологические находки оставался за скобками. И это задевало коренное население, остро заинтересованное в результатах археологических исследований или, напротив, протестующее против таких исследований.

Ведь у малочисленного коренного населения имеются гораздо более широкие представления о своем наследии, включающем устные предания, исторические ландшафты, разнообразные ритуальные и памятные места, которые не фиксируются археологически и не замечаются археологами. А это делает их жертвами индустриального развития и приводит к уничтожению. Кроме того, в изложении местного прошлого археологи руководствуются своими представлениями и не учитывают мнение аборигенов. Поэтому универсальность принципов археологической этики и понимания самой сути исторического наследия встречает сопротивление со стороны местных культурных традиций со своими собственными ценностями и этическими принципами.

В Европе, в странах бывшего Советского Союза и в Южной и Восточной Азии национальное государство ищет легитимации в глубокой истории, связанной с титульным народом. Здесь с уважением относятся к археологии, но нередко требуют, чтобы археологи создавали такую версию прошлого, которая максимально удовлетворяла бы политическим интересам местных народов, причем прежде всего титульного народа. При этом возникает борьба за историческое наследие, что нередко затрагивает межэтнические, межконфессиональные, межнациональные и межгосударственные отношения, чреватые серьезными конфликтами вплоть до вооруженных.

Вопрос о региональном прошлом и региональном историческом наследии сопрягается с проблемой агрессивной паранауки, господствующей на книжном рынке и на некоторых телевизионных каналах и продвигаемой рядом новых религиозных движений. На это накладывається вера последних (например, эзотериков, неоязычников) в наличие у наших далеких предков высочайших знаний о природе и умениях, которые следует обнаружить и вернуть миру. Археологические находки привлекают внимание и конспирологов с их замысловатыми построениями, отсылающими то к масонам, то к космическим пришельцам, то к мистическим рептилиям, задумавшим захватить власть над миром.

В таком контексте «историческое наследие» становится коммерческим приемом ради привлечения туристов. А в случае с Аркаимом речь идет уже не только об интересах

---

* Статья написана по программе НИР № 0153-2019-0010 «Визуальная и цифровая антропология в сохранении и презентации историко-культурного наследия». Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

туризма, но о национализме и определенных религиозных идеях. Мало того, приходится говорить не только о маргиналах, так как Аркаимом в качестве «древнейшего города» и «одной из древнейших цивилизаций» открывалась пользовавшаяся высоким спросом выставка в московском Манеже, посвященная эпохе Рюриковичей. Одним из следствий популярности этого мифа стало возведение памятника «Учителю» в Синташте в 2018 г.

Наконец, имеется противоречие между ростом использования исторического наследия как коммерческого ресурса и его пониманием как общемирового богатства. Отсюда широкое использование памятников истории в туристической индустрии, которая, с одной стороны, позволяет людям расширить свои знания о прошлом и удовлетворить эстетические запросы (позитив), но с другой, иной раз в погоне за прибылью искажает исторический ландшафт и придает историческим памятникам вовсе не тот смысл, который представляется правильным историкам и археологам (негатив).

Новые вопросы добавляет нынешняя массовая миграция, так как иной раз археолог встречается с противоречащими друг другу ценностями разных групп, находящихся в тесном взаимодействии. И в отличие от Нового Света, где справедливость требует защиты малочисленных групп коренного населения от (белых) мигрантов, в Европе приходится защищать мигрантов и их право на наследие от доминирующего коренного населения. Ведь европейские правые радикалы нередко используют историческое и культурное наследие в интересах своей мигрантофобской позиции.

Иногда в ходе конфликтов историческое наследие подвергается смертельной опасности, грозящей ему гибелью. В контексте тяжелого вооруженного конфликта переосмысление прошлого ведет к уничтожению древних памятников или археологических материалов, связанных с неприемлемым образом собственных предков или, что чаще, с чужими предками. Фактически разгром исторического наследия как способ дегуманизации противника сопутствует этническим чисткам и геноциду.

До сих пор многие специалисты уделяли мало внимания тому, что означают выводы и заключения археологов в обстановке острого этнического конфликта. Сознывая опасность таких споров и конфликтов, некоторые авторы ставят вопрос об инструментализации археологии, что рождает проблему моральной ответственности археологов, подтверждающих своими исследованиями ту или иную точку зрения и, тем самым, не желая того, раздувающих межгрупповые распри или сепаратизм. В такой ситуации стремление археологов поддержать одну из сторон ведет к идеологической борьбе между самими археологами, выступающими по разные стороны баррикад.

Все это требует от археологов тонкого понимания того, в какой мере и каким образом добываемое ими знание служит политике, лежащей далеко за рамками археологии, а также кто именно является субъектом, а кто - жертвой этой политики и во имя чего она проводится.

В нашем мире археологам приходится иметь дело с идеями и интересами, которые в высшей степени проблематичны. Поэтому этические кодексы, выработанные в рамках западной культуры, могут идти в разрез с ценностями некоторых других культур. Не менее важно и наличие множественности версий одного и того же прошлого, трактуемого с разных социальных, культурных или религиозных позиций, что в свою очередь может отражаться на политике, включая национализм.

Для проведения продуктивных исследований археологам следует не только тесно взаимодействовать с местным населением, но учитывать специфику его отношения к прошлому и социальную роль археологии. При этом надо сознавать, как и в какой степени археологические реконструкции этногенеза влияют на социальный и политический статус коренного населения. В поликультурной обстановке за обсуждением давнего прошлого нередко скрывается актуальный политический дискурс.